

— Я...

Цзян Цзяньмин потерял дар речи.

Вроде бы все звучало правильно, но в то же время что-то здесь было не так...

Лайан сделал ему знак рукой:

— Открой наручный терминал.

— Ты ведь должен знать, что у Национальной библиотеки Аслана есть третий ярус.

...Библиотека Аслана являлась самым полным книгохранилищем в империи и насчитывала три яруса. Только первый, самый просторный из них, оставался открытым для всех желающих.

Для доступа на второй ярус требовалось пройти проверку личности и получить соответствующее разрешение. Что же касается третьего яруса, то туда имели право входить лишь некоторые высокопоставленные лица, чиновники и члены императорской семьи.

К сожалению, у людей такого ранга в роскошных особняках имелись собственные библиотеки, так что в общественную им практически не было нужды заглядывать... Из-за этого третий ярус круглый год пустовал, что, по сути, было напрасной тратой ценнейших ресурсов.

— Да, я знаю, — Цзян Цзяньмин в недоумении протянул устройство. — Что вы собираетесь делать? Пожалуйста, не копайтесь в моих документах...

— Не буду, — Лайан сразу открыл страницу с его личным делом и, вызвав виртуальную клавиатуру, быстро ввел несколько строк замысловатого кода, от которого рябило в глазах.

Меньше чем через тридцать секунд наследный принц закрыл страницу и поднял голову:

— Теперь ты можешь свободно входить и выходить.

— ?! — Цзян Цзяньмин так и застыл на месте с терминалом в руках, ошеломленный настолько, что долго не мог прийти в себя.

— Впредь я буду изредка бывать на третьем ярусе, как раз... — Лайан задумался и уверенным тоном закончил: — У того самого места у окна, которое тебе нравится.

Цзян Цзяньмин:

— Ва... Ваше Высочество...

Лайан увидел, что тот окончательно обомлел и не двигался, поэтому сам забрал терминал из его рук.

Принц снова ввел какие-то данные, а затем продемонстрировал ему экран списка контактов, на котором мигала надпись «Успешно добавлено»:

— Это мой личный номер связи. Если случится что-то срочное, можешь звонить напрямую. Вот только я очень занят, поэтому не обещаю отвечать каждый раз.

«...»

Цзян Цзяньмин окончательно лишился дара речи.

Лишь спустя долгое время к нему вернулся голос, и он растерянно спросил:

— Неужели так правда можно?

Лайан:

— А что такого?

Цзян Цзяньмин:

— Мы ведь виделись всего несколько раз.

Лайан:

— Но ты уже умудрился узнать меня, когда на мне был маскировочный прибор.

Цзян Цзяньмин:

— Но... вы наследный принц, а я простолюдин. Я имею в виду...

Лайан:

— Ты выиграл у меня в виртуальном симуляционном бою в тот день, а сегодня указал мне на ошибку. Если посчитать запрет на алкоголь для несовершеннолетних, то получается целых две ошибки.

Цзян Цзяньмин резко вскинул глаза:

— И все так просто?

— Просто? — тон Лайана похолодел. — Подобными словами... ты презираешь меня или самого себя?

«...»

Цзян Цзяньмин опустил веки. Потолочный светильник кабинки отбрасывал его тень на угол стола. Он протянул руку, взял свой терминал и крепко сжал его в ладони.

Курсант вдруг тихо спросил:

— Значит, ваши прошлые слова о том, что вы можете взять меня на королевский полигон для испытания мехов, тоже были правдой?

Лайан тут же ответил:

— Разумеется. Но нужно подождать, пока я все устрою...

Цзян Цзяньмин со сложным выражением лица отвернулся и глухо произнес:

— Знаете ли вы, Ваше Высочество... То, что вы мне сейчас даете, возможно, является тем, чего я не смог бы добиться, даже потратив на это всю свою жизнь.

Сказав это, он сделал паузу, медленно поднял глаза и прямо посмотрел на наследного принца, тихо спросив:

— И теперь я обрел это не потому, что чего-то достиг, а лишь из-за случайной встречи с вами?

Лайан резко замер.

За окном уже сгустилась глубокая ночная тьма, габаритные огни флаеров прочерчивали длинные дуги высоко в небе. У дверей ресторанчика звенели колокольчики. Несколько благородных дам, взявшись под руки, вошли внутрь, и их украшения поблескивали в свете ламп.

— Знаете ли вы...

Внутри кабинки курсант смотрел на оживленный ночной пейзаж столицы, и в стекле окна отражались его черные глаза, взгляд которых постепенно терял фокус.

Казалось, он вот-вот готов был высказать что-то важное, но в конце концов лишь глубоко нахмурился и сглотнул слова, которые уже подступили к губам.

Ночной вид Звездного города Аслан разительно отличался от Пурпурного Шелка.

Как же он оказался здесь?

После кончины приемного отца он остался круглым сиротой. Кто-то советовал ему пойти в приют, кто-то — освоить какое-нибудь ремесло или науку, чтобы после совершеннолетия было легче найти работу.

Он же ответил, что хочет поступить в военную академию. Он хотел изучать мехи, чтобы в будущем пойти на военную службу. Окружающие не смеялись, они лишь с жалостью смотрели на него, поговаривая, что мальчик просто сломлен реальностью гибели приемного отца на поле боя и сошел с ума.

«Тебе нужно двигаться дальше, — мягко уговаривала его директриса местного приюта. — Отец наверняка тоже хотел бы, чтобы ты прожил собственную хорошую жизнь, ведь так?»

Что же такое собственная жизнь? Цзян Цзяньмин понимал, что это будет жизнь обычного дефектного человека. Империя не обижала семьи погибших героев: если бы он смирился с судьбой, то мог бы получать пособие и прожить эту жизнь посредственно, зато гладко.

Но если в его душе жило недовольство, если он желал сделать шаг вперед, желал прикоснуться к этим славным орденам и далеким звездам...

Тогда притяжение всех девяти Звездных городов человечества обрушивалось на него всем своим весом, стремясь заставить его преклонить колени, заставить его ползти по земле.

В тот год в Звездном городе Пурпурного Шелка без конца шли проливные дожди, отчего лето казалось необычайно бурным и ярким.

Когда дикий виноград на стене полностью захватил целую красную стену, небо наконец прояснилось. Из столицы империи пришло письмо.

В тот год Цзян Цзяньмину исполнилось шестнадцать лет, он остался совсем один, без родных и

близких. В то время как его сверстники под защитой родителей еще беспечно играли и дурачились, он хладнокровно распродал имущество и покинул родные края.

Среди всех девяти Звездных городов империи существовала лишь одна военная академия, куда открывался доступ для поступления обычным дефектным людям.

Военная академия Кайос, также известная как Столичная военная академия или Первая военная академия.

Она являлась местом обучения для отпрысков знати, ареной для соперничества баловней судьбы. Для простых людей она была самым трудным для поступления учебным заведением во всей империи, без вариантов.

Все в один голос твердили, что это невозможно.

Но он поступил.

— ...О каких глупостях ты там думаешь?

Внезапно сидевший напротив наследный принц перехватил его за предплечье. Цзян Цзяньмин подсознательно отпрянул назад, и локоть его другой руки с тихим звоном задел лежавшую на углу стола серебряную вилку.

Однако он не мог укрыться от пронзительного, точно стрела, взгляда собеседника. Лайан поспешно произнес:

— Я даю тебе это только потому, что искренне ценю тебя и считаю, что ты этого достоин!

— Случайная встреча?.. Ха. Каждый месяц я "случайно" встречаю бесчисленное множество подданных империи, но разве все они получают от этого выгоду?

— До тебя я ни к кому и никогда так не относился. Ты что, думаешь, будто я здесь соержу лотерейный киоск, который регулярно выдает выигрыши, а?!

Говоря это, Лайан сам невольно усмехнулся от злости:

— Что, принять доброе отношение принца империи для тебя является своего рода осквернением?

— Нет...

Цзян Цзяньмин оказался зажат в углу стола без возможности сдвинуться с места и в некотором смятении попытался отвести пальцы Лайана:

— Я имел в виду вовсе не это, пожалуйста, не сердитесь. Доброту Вашего Высочества я...

Однако он не успел продолжить оправдания, так как Лайан оборвал его:

— Раз уж ты обрел это сейчас, значит, ты изначально должен был этим владеть.

— Если раньше у тебя этого не было, то это являлось ошибкой. Это империя осталась перед тобой в долгу, а сейчас все просто восполняется, ты меня понял?

«...»

Цзян Цзяньмин растерянно поднял голову.

Свет ламп над головой заставил его почувствовать легкое головокружение, и он прищурился.

— Ошибкой... значит?

Он приложил все силы, чтобы добраться до Аслана, но жизнь от этого не стала намного легче.

Его по-прежнему преследовали дискриминация, которая почти превратилась в повседневность, и странные взгляды однокурсников и преподавателей. На многие курсы дефектным людям путь был попросту закрыт: им не давали даже шанса попробовать, ограничиваясь лишь насмешками.

— Но... — дрожащим голосом произнес Цзян Цзяньмин. — Так ведь было всегда.

К тому же, чтобы изучать дополнительный курс на чужом факультете, требовалось доплачивать по несколько десятков тысяч кредитов за семестр.

Чтобы побороться за место в списке стипендиатов, во время прошлого зачетного периода он не спал трое суток подряд, и уже почти думал, что вот-вот сдохнет от переутомления. А ведь впереди оставалось еще пять лет подобной жизни.

Что же касается всевозможного одиночества от скитаний в глуши, то об этом и говорить не стоило.

На самом деле ему приходилось очень тяжело, слишком тяжело.

— Вся человеческая империя... все девять Звездных городов...

— Везде так устроено.

— ...Значит, вся человеческая империя с самого начала была неправа.

Раздался холодный, твердый голос наследного принца, который вынес этот вердикт почти без колебаний, после чего добавил:

— В будущем мы все это исправим.

Цзян Цзяньмин резко открыл глаза. Он пристально уставился на красивое лицо сидевшего перед ним юного наследника престола, словно собирался что-то сказать, но открыл рот и лишь запнулся, так ничего и не произнеся.

Он стиснул зубы и отвернулся, его тонкая кисть руки, упирившаяся в угол стола, мелко подрагивала, словно он вот-вот готов был расплакаться.

— Ты...

Лайан опешил, в груди у него внезапно кольнуло болью, словно его полоснули ножом по живому месту.

Наследный принц заговорил сбивчиво и невпопад:

— Ты... ты только не расстраивайся. Я отвезу тебя посмотреть на мехи, хорошо? Можно поехать прямо завтра. Хочешь взглянуть на «Венец утренней зари»? «Железная роза» императора тоже там.

— Я не... не расстраиваюсь, — Цзян Цзяньмин лишь покачал головой, поспешно хватая свой рюкзак со стола.

Он уже и не помнил, как давно не позволял себе так терять самообладание перед посторонними людьми; чувство потери контроля над эмоциями было отвратительным. Он поджал губы и, опустив голову, собрался выйти наружу:

— Уже слишком поздно, Ваше Высочество, я...

Однако тот человек не собирался его отпускать. Лайан перехватил его сумку и первым сделал шаг, распахивая дверь кабинки:

— Уже поздно, я отвезу тебя обратно.

Цзян Цзяньмин резко обернулся и зыркнул на него. В лучах лунного света, падавших из окна, его глаза казались острыми, точно покрытыми слоем льда, но при этом уголки глаз слегка покраснели, и в них смутно поблескивала влага.

Лайан застыл на месте, в голове у него воцарилась полная пустота, и чувство вины за то, что он обидел дефектного человека, непреодолимо полезло наружу.

Он думал, что в следующее мгновение дефектный человек начнет буянить или же разразится слезами.

Он не знал, сколько обид и горечи накопилось в душе у этого парня; возможно, если бы тот выплеснул все это, ему стало бы легче, поэтому он просто ждал.

Однако ничего не произошло. Лайан своими глазами видел, как крепко сжатые пальцы Цзян Цзяньмина побелели от сильного напряжения, а волнение в глубине его глаз постепенно улеглось под воздействием самообладания.

Прошло всего несколько секунд, и курсант снова принял свой обычный мягкий и безмятежный вид.

Он вежливо и тихо произнес:

— ...Хорошо, тогда спасибо вам.

...

На протяжении всего пути до военной академии Кайос Лайан не мог удержаться от того, чтобы часто поглядывать на него в зеркало заднего вида флаера.

Дефектный курсант сидел на заднем сиденье. Поначалу он все время сохранял позу, сидя прямо в углу и опустив голову.

Позже, то ли от душевной усталости, то ли оттого, что его сморило под мельканием огней

ночных фонарей за окном, он прижал к груди рюкзак, закрыл глаза и повернулся набок, тихо сжавшись в еще более маленький комочек.

Лайан долго и пристально смотрел на него, и в том месте, где недавно кололо болью в груди, снова началось какое-то шевеление.

Он и подумать не мог, что в тот день случайно встретит именно такого человека. Он казался одновременно и сильным, и хрупким — словно мог разбиться от одного прикосновения, и в то же время обладал невероятной стойкостью.

Это вызывало у него инстинктивное желание подчинить себе и одновременно рождало смутное стремление защитить.

Принц с каменным лицом мысленно рассудил: если к моменту прибытия в академию этот парень уснет, он сегодня же заберет его во дворец.

К сожалению, Цзян Цзяньмин не спал.

Стоило флаеру замереть у ворот военной академии, как он тут же вышел. Он не только оставался совершенно бодрым, но и полностью привел свои чувства в порядок.

Он даже смог совершенно спокойно спросить наследного принца:

— Раз уж отношение Вашего Высочества ко мне является особенным, могу ли я расценивать это так, что вы хотите завязать со мной дружеские отношения?

«...»

Его Высочество Лайан с трудом переваривал подобное ощущение колоссального несоответствия ожиданий реальности.

Он долго молчал, после чего с некоторой долей чопорности произнес:

— Я занимаюсь твоим привлечением на свою сторону. Через несколько лет, когда ты окончишь военную академию, ты сможешь работать под моим началом.

Цзян Цзяньмин тихо вздохнул:

— Ах, вот оно как...

Лайан в ту же секунду передумал и тут же поспешил исправиться:

— ...Дружеские отношения тоже подойдут, если это название нравится тебе больше.

Слово «привлечение» изначально вовсе не входило в его намерения. Наследный принц без всякого стыда свалил все на другого: несколько дней назад он беседовал с молодой главой дома Ланс. Когда зашел разговор об этом дефектный человеке из низов, который своими силами поступил в Кайос, именно Ланс упомянула это слово.

«Добиться подобного крайне непросто, Ваше Высочество. Для этого и талант, и трудолюбие должны находиться на уровне, намного превосходящем показатели обычных людей», — делилась тогда размышлениями Одри, пригубливая красное вино, и ее глаза казались глубокими. — «Я собираюсь понаблюдать за этим человеком. Если он действительно окажется

выдающимся, я подумаю над тем, чтобы привлечь его в дом Ланс в качестве своего советника».

...Разумеется, в то время Одри и в страшном сне не могло присниться, что всего через несколько лет она будет метаться в панике из-за этого дефектного юноши точно так же, как пеклась о своей обожаемой младшей сестре, и будет всей душой желать надежно укрыть его от всех невзгод.

Тогда же Ланс рассуждала исключительно как глава великого клана, с рациональной точки зрения просчитывая, как можно использовать этого способного дефектного человека.

Вот только Одри просчиталась, мысленно усмехнулся Лайан.

Теперь этот человек принадлежал ему.

— Ваше Высочество... Ваше Высочество Лайан?

Дефектный юноша звал его. Цзян Цзяньмин стоял под светом уличного фонаря, слегка склонив голову набок:

— Благодарю за ваше угощение сегодня вечером. До следующей встречи.

Он сказал: «До следующей встречи». На душе у Лайана снова стало намного лучше, но тут он услышал, как Цзян Цзяньмин добавил:

— И напоследок, Ваше Высочество, могу я задать один вопрос?

— Конечно.

Цзян Цзяньмин:

— Возможно, это прозвучит излишне прямо, прошу не обижаться.

Лайан:

— Между друзьями не нужно стесняться.

— Тогда, — спросил Цзян Цзяньмин, — почему вы все время смотрите на меня?

«?»

Наследный принц с опозданием изобразил на лице недоумение.

Цзян Цзяньмин с невинным и искренним видом пояснил:

— Я имею в виду то, что было только что во флаере, но это касается не только того, что происходило во флаере.

«...»

Лайан прямо-таки ошеломился.

— На самом деле я знаю, что в тот день вы вообще не смотрели на соревнования мехов, — продолжал Цзян Цзяньмин. — Потому что вы все время смотрели на меня.

Лайан:

«...!»

Юный наследник престола от изумления и стыда широко раскрыл глаза.

— Вы спросили меня, почему я всегда узнаю вас. Да потому, что взгляд, которым вы на меня смотрите, всегда слишком...

Цзян Цзяньмин поджал губы, пряча лицо в тени, которую отбрасывал ночной свет.

Он проглотил уже готовое сорваться с языка выражение «слишком агрессивный» и заменил его более деликатным:

— Слишком очевидный, вот и все.

«...»

Внутри флаера юный наследный принц крепко сжимал руками панель управления, чувствуя, как краска заливает его лицо от самой шеи до щек.

Его кадык судорожно дернулся, в голове пронеслись тысячи вариантов оправданий, и каждый из них выглядел совершенно неубедительно.

Этот конфуз оказался настолько позорным, что маленькому принцу до смерти захотелось превратиться в страуса и зарыть голову в землю.

Когда он наконец переборол себя, готовый пойти напропалую, и поднял голову, то обнаружил, что снаружи флаера уже давно никого не было.

В ночной темноте курсант легким шагом уже входил в главные ворота военной академии. Он не забыл повернуться и помахать рукой в эту сторону, после чего его силуэт скрылся вдали.

На водительском сиденье флаера Лайан долго не мог прийти в себя, чувствуя наполовину нелепость происходящего, наполовину — сокрушительное поражение. В конце концов он от злости пнул панель управления флаера.

И как этот человек...

Стоило подружиться с ним, как он стал таким несносным?

<http://bllate.org/book/18346/1978515>